

На правах рукописи

刘石

Лю Ши

**ОБРАЗЫ ЭМИГРАЦИИ И ЭМИГРАНТОВ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–40-Х ГГ.**

*Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ярославль – 2025

Диссертация выполнена на кафедре литературы и мировой художественной культуры филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Амурский государственный университет»

Научный руководитель: **Забияко Анна Анатольевна**
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет», г. Благовещенск.

Официальные оппоненты: **Куликова Елена Юрьевна**
доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.

Сенина Екатерина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва.

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток.

Защита состоится 23 октября 2025 года в 12:00 на заседании диссертационного совета 33.2.028.03 при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1, ауд. 315 (Зал Г. Г. Мельниченко).

Отзывы об автореферате направлять по адресу: 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, диссертационный совет 33.2.028.03 (ученый секретарь).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1, а также на сайте <http://yspu.org/>.

Автореферат разослан _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат филологических наук, доцент

Разумов Роман
Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация посвящена исследованию образов эмиграции и эмигрантов в русской литературе 1920–1940-х гг. на материале литературных и публицистических произведений писателей Советской России, западноевропейского и дальневосточного зарубежья.

Актуальность темы исследования

Проблема эмиграции и эмигрантов является одной из наиболее дискутируемых в современном мире с точки зрения разных аспектов. В определенных исторических, географических и социально-политических обстоятельствах эмигранты по-разному воспринимаются принимающей стороной. Проблемы восприятия эмигрантов представителями принимающей культуры и наоборот, восприятие эмигрантами представителей культуры-реципиента зависят от базовых установок, формирующих представления о «своем» и «чужом».

В литературоведческой плоскости актуальной для научной рефлексии представляется художественная рецепция феномена эмиграции и эмигрантов в художественных и публицистических текстах, осуществляемая в конкретных исторических, общественно-политических и социокультурных обстоятельствах.

В русском общественном, культурном, литературном сознании данные вопросы встали особенно остро после 1917 г. Именно этот рубеж становится отправной точкой, когда явление эмиграции и эмигрантов начинает постепенное «открытие» в литературной рефлексии России. Советские и эмигрантские художники слова практически одновременно обращают внимание на данную тему и обусловленные ею проблемы в литературе: писатели эмиграции самых разных взглядов и убеждений – через саморефлексию своего состояния и перспектив дальнейшей адаптации, советские писатели, в первую очередь, сквозь призму идеологических постулатов новообразованного Советского государства и становления однозначно приемлемой литературной парадигмы соцреалистического канона.

Образы эмиграции и эмигрантов в русской литературе стали неотъемлемой частью культурного и исторического контекста эпохи 1920–1940-х гг., они же являются призмой и сегодняшнего восприятия эмиграции.

Произведения русских авторов 1920–1940-х гг., обращенные к проблеме художественной рефлексии феномена послеоктябрьской эмиграции и эмигрантов, а также отражающие проблемы самовосприятия эмиграции, на сегодняшний день признаны литературным и общественным сознанием фактами *единой русской литературы*. Несмотря на разность идеологических установок писателей, находящихся по разные стороны границы, в своей совокупности эти произведения отражают в разных проекциях, помимо сложных социально-политических, культурно-исторических, социокультурных проблем, результаты работы одновременно художественного и этнического сознания, в образной форме запечатлевая базовые этнические стереотипы и автостереотипы, представления о «своем» и «чужом» («отчизне» и «чужбине», «праведном» и «неправедном») и т.д.).

Сравнительно-историческое и сравнительно-типологическое изучение образов эмиграции и эмигрантов в советской литературе и образов самовосприятия эмигрантов дальневосточного зарубежья позволяет понять, как представления об эмиграции и эмигрантах менялись в языковом, этническом и литературном сознании русских, каковы были типологические черты образа русской

эмиграции и эмигрантов в советском сознании 1920–1940-х гг., какие общие основания связывали самовосприятие русской эмиграции в разных центрах рассеяния, а что выделяло, к примеру, дальневосточных беженцев. Самое главное – как эти процессы отражались в художественных текстах, ставших в 1920–1940-х гг. пространством обсуждения и реализации политических, этнологических, социокультурных проблем, волнующих русское общество на переломе эпох и культур.

Степень научной разработанности проблемы исследования

Лексико-семантический анализ лингвокультурных основ, определяющих языковую, а затем и художественную картину мира, исследуется в работах по логическому анализу языка, анализу языковых концептов (Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев, Т.В. Булыгина и др.).

Образы самовосприятия как одного из конкретизирующих понятий настоящего исследования, этнопсихологические основы их возникновения, эволюции и рецепции основательно изучены в работах Т.Г. Стефаненко.

Проблемы природы возникновения и функционирования художественных образов разработаны в трудах М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, Г.Д. Гачева, В.В. Кожинова, М.Б. Храпченко, М.Н. Эпштейна, И.Б. Роднянской и др.

История формирования центров русского зарубежья в Европе и на Дальнем Востоке, социокультурной, общественно-политической, этнокультурной адаптации русских эмигрантов детально исследованы В.В. Костиковым, М.И. Раевым, Е.П. Таскиной, Г.В. Мелиховым, П.П. Балакшиным, А.А. Хисамутдиновым, Ли Синганом и др.

Самосознание русской эмиграции с философской точки зрения фундаментально изучено в работах А.В. Азова, в культурно-историческом ракурсе исследовано А.С. Ахиезером и др. Особое внимание реконструкции процессов социальной и психологической адаптации россиян за рубежом уделено в работах З.С. Бочарова, М.Ю. Сорокина, Н.С. Хрусталевой и др. Проблемы рецепции культурного образа эмиграции и эмигрантов, ее отражение в художественной литературе Китая 1920–1940-х гг. изучены в работах Я.В. Зиненко, Чжоу Синьюя, Фэн Ишань и др. А.В. Зеленин на материале публицистических и художественных текстов исследует отражение образа эмигрантов и эмиграции «первой волны» и самовосприятие русских беженцев с лингвокультурной точки зрения. В литературных и фольклорных текстах проблему образного воплощения самовосприятия эмиграции исследовали Е.В. Сенина, А.А. Забияко, Цзюй Кунынь, Чжан Жуян.

Системный анализ деятельности литературных центров эмиграции «первой волны» осуществлен Б. Кодзисом. Проблемы литературного быта русского зарубежья изучаются в работах О.Р. Демидовой, Г.П. Струве, М. Раева и мн. др. Понятие «порубежье» как особая темпоральная, пространственная, этнокультурная, этнорелигиозная категория введена в оборот, а затем спроецирована на онтологию русской диаспоры в Китае А.П. Забияко. Специфика миграции, диаспоризации и связанных с ними социальных, психологических и иных процессов в инокультурных средах исследуются в работах Н.С. Фрейнкман-Хрусталевой, А.И. Новикова, Э.Л. Мелконяна, Л.Л. Рыбаковского, А.П. Забияко, Р.А. Кобызова, Л.А. Понкратовой, А.К. Осепян и др.

Жизнь эмигрантской колонии в Маньчжурии сквозь призму истории КВЖ, политические аспекты формирования эмигрантского сознания исследовали Н.Е. Аброва, В.Ф. Ершов, Л.Ф. Говердовская, Е.Е. Аурилене, М.В. Кро-

това, М.В. Чуприна и др. Особый тип ментальности русской эмиграции, особенности религиозного самовосприятия русских в Харбине на материале художественных и публицистических текстов изучены Я.В. Зиненко, Е.А. Конталевой и др.

В работах А.А. Забияко исследованы художественные способы рефлексии порубежных (temporalных, пространственных, религиозных, этнокультурных, этнорелигиозных и т.д.) аспектов онтологии дальневосточной эмиграции.

Категорию «лирический субъект» и формы ее проявления разработали и классифицировали Е. Фарыно, Б.О. Корман и С.Н. Бройтман. Категорию «модус художественности» как «стратегию художественной типизации», «всеобъемлющую характеристику художественного целого» ввел в научный оборот, типологизировал и развил В.И. Тюпа.

Проблемы идеино-тематического и жанрово-стилистического становления советской прозы рассмотрены в работах Н.А. Грозновой, Г.А. Белой, М.М. Голубкова. Жанровую природу советского плутовского романа исследует В.Д. Миленко.

К образу белой эмиграции в советских художественных текстах первой половины XX в. с точки зрения идеино-тематического подхода обращается Ю.В. Матвеева. Проблемы поэтики произведений В.Б. Шкловского, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова, посвященных теме эмиграции, исследуют Н.В. Логунова, Т.Ю. Хмельницкая, Е.М. Баранская, Е.А. Извозчикова, Е.Д. Толстая, П.А. Бородина, В.И. Баранов, А.Л. Александрова, М.О. Чудакова, Б.В. Соколов, А.Н. Варламов и др.

Художественная оппозиция «свое» / «чужое» в литературе дальневосточной эмиграции определена В.В. Агеносовым. Важный вклад в исследование путей самопознания в литературе и публицистике дальневосточной эмиграции внесен научной школой Амурского государственного университета (А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой, О.Е. Цмыкал, К.А. Землянской и др.). В работах научного коллектива Института филологии СО РАН (Е.Ю. Куликовой, Е.В. Капинос и др.) осуществляются монографические исследования поэтики отдельных произведений поэтов и писателей дальневосточного зарубежья.

Важную роль в развитии китайской эмигрантологии сыграла деятельность Диао Шаохуа, Ли Яньлина, Ли Иннань, Ли Мэн.

Несмотря на вышеперечисленные работы, неисследованными остаются: вопрос формирования представлений об эмиграции в русской культуре и литературе с точки зрения языковой картины мира; проблема генезиса образов эмиграции и эмигрантов «первой волны» в советской литературе и публицистике, их жанрово-стилевое воплощение; проблема генезиса образов самовосприятия в литературе дальневосточного зарубежья с точки зрения социокультурного и этнокультурного контекста, тематико-мотивного уровня, способов художественного выражения.

Теоретико-методологическая база исследования

В основе диссертационного исследования – концепция единства русской литературы 1920–1940-х гг., включающей советский и эмигрантский текст (Д.Д. Николаев) и социокультурного ракурса при анализе литературного процесса, предлагаемого М.О. Чудаковой.

Исследование образов эмиграции и образов самовосприятия эмиграции опирается на теорию художественного образа (М.Н. Эпштейн, И.Б. Роднянская),

развиваемую с опорой на имагологическую концепцию образа художественного восприятия (А.-Д. Пажо, В.А. Луков, Е.В. Сенина, А.А. Забияко). Антиминии русского этнического сознания, формирующие базовые установки представлений об «своем/чужом», «святом/падшем», «отгизне/чужбине», и проецируемые в образах эмиграции, исследуются на основе работ А.П. Забияко.

Историко-литературный и историко-культурный контекст литературы дальневосточной эмиграции в ее поколенческой парадигме и фронтирном содержании анализируется с опорой на исследования В.В. Агеносова и А.А. Забияко.

Понимание жанровой природы произведений в диссертационном исследовании опирается на работы В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума.

Методология исследования лирических текстов основана на понимании лирической субъектности в трактовке Е. Фарыно и опирается на структурно-семантический подход М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, О.И. Федотова.

Объект исследования – образы послереволюционной эмиграции и эмигрантов, запечатленные в литературных и художественно-публицистических произведениях русских писателей 1920–1940-х гг. (советских, западноевропейского и дальневосточного зарубежья).

Предмет исследования – художественные способы рецепции эмиграции и эмигрантов, отраженные в текстах советских писателей и авторов дальневосточного зарубежья 1920–1940-х гг. в общественно-политическом, социокультурном, этнокультурном контексте формирования и рода-жанровом, тематико-образном, жанрово-стилистическом аспекте выражения.

Эмпирический материал диссертационного исследования представляют русские словари разных типов, публицистические и художественные тексты русских политических и литературных деятелей (XVI – начала XX вв.), советских и эмигрантских политиков, писателей, поэтов 1920–1940-х гг.; материалы советской и эмигрантской периодической печати, в том числе, архивного характера (подборка литературно-художественного альманаха «Рубеж», 1928–1945 гг., Центр изучения дальневосточной эмиграции), антология «Русская поэзия Китая» (ред. В. Крейд, О. Бакич, 2001 г.), поэтические сборники дальневосточных эмигрантов.

Цель диссертационного исследования – выявить и исследовать художественные образы эмиграций и эмигрантов, запечатленные в литературных и художественно-публицистических текстах советских и дальневосточных эмигрантских писателей 1920–1940-х гг., с точки зрения художественно-эстетических, социокультурных, общественно-политических аспектов.

Задачи исследования:

- 1) реконструировать историю формирования и семантическую основу представлений об «эмигрантах» и «эмigration» в русском языковом, этническом, художественном сознании с XVI по первую половину XX в.;
- 2) исследовать в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспекте процесс формирования образов западной эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–1940-х гг. (на материале произведений В.Б. Шкловского, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова);
- 3) исследовать в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспекте процесс формирования образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской, эмигрантской литературе и публицистике конца 1920–1940-х гг.;

- 4) охарактеризовать родо-жанровые, тематико-образные, жанрово-стилистические особенности воплощения образов западноевропейских и дальневосточных эмигрантов 1920–1940-х гг. в диахронической и социокультурной парадигме в советской и эмигрантской литературе и публицистике.

Научная гипотеза диссертационного исследования заключена в тезисе о том, что художественные образы эмиграции и эмигрантов (и самовосприятия эмиграции и эмигрантов) в русской литературе 1920–1940-х гг. определены общими базовыми представлениями русской культуры о «своем/чужом» («отчизне/чужбине», «святом/падшем»), а в родо-жанровом и жанрово-стилистическом аспекте обусловлены социально-культурным и художественно-эстетическим контекстом литературного процесса указанного периода.

Научная новизна состоит:

- 1) в экспликации этнокультурных, этнорелигиозных, социально-политических концептуальных основ, определяющих на разных исторических этапах восприятие феномена эмиграции в русском языковом, этническом, общественном, литературном сознании с XVI по 1920-е гг. XX в.;
- 2) в исследовании в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспекте процесса формирования образов западной эмиграции и эмигрантов и выявлении родо-жанровой, тематико-образной, жанрово-стилистической специфики их воплощения в советской литературе 1920–1940-х гг. (на материале произведений В.Б. Шкловского, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова);
- 3) в исследовании процесса формирования образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской литературе и публицистике конца 1920-х гг. (на материале произведений Я.М. Окунева и Е. Полевого);
- 4) в исследовании в социокультурном, общественно-политическом и художественно-эстетическом аспектах процесса формирования художественных образов самовосприятия в произведениях писателей-эмигрантов восточной ветви дальневосточного зарубежья 1920–1940-х гг. и выявлении родо-жанровой, тематико-образной, жанрово-стилистической специфики их воплощения.

Личный вклад диссертанта состоит: в выявлении максимально полного контента художественных и художественно-публицистических произведений советской литературы 1920–1940-х гг., обращенных к теме эмиграции и эмигрантов; во введении в научный оборот новых фактов из истории литературы дальневосточной эмиграции 1920–1940-х гг.; в осуществлении контент-анализа лирики дальневосточной эмиграции и введении в научный оборот результатов данного этапа исследования; в детальной проработке архивной подборки литературно-художественного альманаха «Рубеж» (1928–1945 гг.) на предмет отражения в ней образов самовосприятия дальневосточных эмигрантов; в составлении на основе «Рубежа» хронологической и жанрово-тематической описи публикаций, посвященных образу самовосприятия дальневосточной эмиграции (1928–1945 гг.); в экспликации родо-жанровых и жанрово-стилистических особенностей рефлексии и саморефлексии эмиграции и эмигрантов в произведениях советской литературы и литературы русского зарубежья 1920–1940-х гг.

Теоретическая значимость работы заключается:

– в подтверждении исследовательской парадигмы связи художественной образности с этнокультурными и лингвокультурными базовыми установками;

– в уточнении эстетических границ категории «художественный образ

восприятия» с точки зрения художественного самовосприятия (саморефлексии) феномена эмиграции и своего эмигрантского статуса художниками слова 1920–1940-х гг.;

– в типологическом осмыслении образа эмиграции и эмигрантов в советской литературе и образов самовосприятия в литературе дальневосточного зарубежья сквозь призму социально-политических, этнопсихологических, социокультурных процессов, протекающих в России в 1920–1940-е гг.;

– в разработке типологической модели сравнительно-исторического анализа литературы метрополии и эмиграции 1920–1940-х гг.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит:

– в дальнейшем использовании материалов в лекционных курсах и на семинарах по истории советской и зарубежной литературы XX в., в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам русской эмигрантской литературы, по проблемам российских культурных связей, а также в дальнейшем исследовании литературы дальневосточного зарубежья;

– в перспективе дальнейшего сравнительно-типологического исследования в обозначенной парадигме русской литературы эмиграции и метрополии 1920–1940-х гг.;

– в перспективе дальнейшего сравнительно-типологического исследования в обозначенной методологической парадигме образов самовосприятия в литературе западной и восточной ветвей русской эмиграции 1920–1940-х гг.;

– в перспективе дальнейшего сравнительно-типологического исследования в обозначенной методологической парадигме образов восприятия эмигрантов и эмиграции в русской и китайской литературах.

Методы исследования. В работе использованы историко-генетический, культурно-исторический, биографический, сравнительно-типологический, структурно-семантический, лексико-семантический методы, интертекстуальный анализ, контент-анализ. Кроме того, автор опирается на междисциплинарный подход к исследованию литературы, представляющий комплексные разыскания с привлечением этнопсихологии, истории, философии и лингвистики.

Обоснованность научных результатов диссертационного исследования опирается на максимально полную источниковую базу, целостностью охвата публикаций российских и зарубежных ученых по теме диссертации, всесторонностью анализа эмпирического и исследовательского материала в культурно-историческом, социокультурном и художественно-эстетическом контексте первой половины XX в.: **достоверность научных результатов** обеспечивается полнотой, системностью использования аутентичных источников по теме исследования (материалы словарей разных типов – этимологических, толковых, geopolитических, исторических, синонимических, публицистических, художественных текстов советских и эмигрантских авторов разной родо-жанровой формы и художественно-эстетической парадигмы), адекватностью примененных методов исследования (указанных выше), опорой на апробированные в российском литературоведении теории и концепции (сравнительно-исторической А.Н. Веселовского, культурно-исторической В.М. Жирмунского, структурно-семантической Ю.М. Лотмана, М.Л. Гаспарова, О.И. Федотова, социокультурной М.О. Чудаковой, модусов художественности В.И. Тюпы и т.д., фронтальной ментальности А.А. Забияко), соответствующие объекту, предмету, целям и задачам диссертации. Основные результаты были представлены на научно-практических конференциях международного и российского уровня (всего 8), опубликованы в изданиях из перечня Scopus, RSCI, ВАК (всего 7) и

других изданиях (всего 6, РИНЦ).

На защиту выносятся следующие положения, представляющие основные результаты проведенного диссертационного исследования:

1. Тексты словарей разных типов, произведения древнерусской литературы и публицистики свидетельствуют, что представление об эмиграции возникает в русском этническом сознании намного раньше (середина XVI в.), чем в русский язык приходят понятия «эмиграция» и «эмигрант» (XVIII в.). Исторически пространственный смысл понятия имел второстепенное значение, в нем изначально преобладали политические коннотации, синкеттизированные с этническими (этнопсихологическими, этнорелигиозными) и этическими установками. В основе этих сложновыстроенных и исторически меняющихся значений слова «эмигрант» лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины». Данные смыслы определили формирование образа эмиграции в сознании послереволюционной России и самовосприятия эмигрантов в рассеянии. Они же обусловили художественную специфику рецепции этих понятий в русской литературе 1920–1940-х гг.
2. Материалы литературных и публицистических текстов эмигрантов свидетельствуют о том, что становление образа самовосприятия в художественном сознании русской эмиграции «первой волны» берет начало в 1920 г. и заканчивается к 1932–1933 гг. За это время формируется парадигма семантических признаков, присущих эмигрантскому самовосприятию во всех центрах рассеяния: национальный (этнический) (российский/русский), политический (антибольшевистский/белый), религиозный (православный) компоненты. Эти компоненты выражают общеземигрантскую онтологию самоидентификации и самовосприятия. И только затем в действие вступает пространственный компонент, обозначающий изгнанничество (беженство) как бытийственный факт и страну изгнания.
3. Образ эмиграции и эмигрантов в советской литературе начинает складываться с 1921 и завершается к 1932 гг., отразив основные этапы формирования однозначно негативной политической точки зрения на явление эмиграции и эмигрантов сквозь призму становления литературной парадигмы соцреалистического канона. Он воплотился в единичных литературных образцах, однако в лиро-эпике, эпике и драме, в жанрово-стилистическом разнообразии.
4. Первый, «компромиссный» этап рецепции образа эмиграции и эмигрантов в общественно-политическом, культурном и литературном сознании советских людей начала 1920-х гг. находит отражение в творчестве В.Б. Шкловского («Zoo, или “Третья Элоиза”», 1922–1923 гг.). Эмигрантская тема становится поводом для создания метапоэтического дискурса. Образ эмиграции и эмигрантов воплощен в экспериментальном жанре лиризованных автобиографических «писем не о любви», показан с «двойной точки зрения» (эмигранта, наблюдающего эмиграцию как советский писатель).
5. Динамика трансформации образов эмиграции и эмигрантов в общественном, культурном, литературном сознании Советской России – СССР воплощена в «эмигрантском цикле» А.Н. Толстого (1921–1932). Эти изменения (от сочувственной рефлексии до однозначно негативного восприятия) находят отражение на тематическом уровне (от темы горьких разочарований – к теме духовного разложения), в жанрово-стилистической системе

- (от рассказа с элегической тональностью к политическому детективу-памфлету), на уровне интертекстуальных аллюзий (от «купринских» мотивов к двойничеству в духе Достоевского).
6. Попытка создать объективный, многомерный образ эмиграции и эмигрантов с социально-политической, этической, этнокультурной и художественной точек зрения нашла отражение в творчестве М.А. Булгакова (пьеса «Бег», 1926–1928). Система персонажей пьесы выражает оппозицию «свое/чужое», «праведное/неправедное», «отчизна/чужбина» внутри эмигрантского сознания, потому наиболее яркими и убедительными становятся самые противоречивые фигуры эмигрантов (Хлудов и Чарнота), сохраняющие в себе базовые установки этнического сознания, не теряющие любви к Родине. Типологическую достоверность художественной трактовке эмиграции и эмигрантов в пьесе дает окказиональная жанровая форма пьесы «в восьми снах», предназначенный для постановки и чтения одновременно. Она воплощена в синкретическом единстве амбивалентного конфликта, комического (буффонного) и трагического модусов художественности.
 7. Образ дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской литературе (Я.М. Окунев, Е. Полевой) возникает весьма поздно – к концу 1920-х гг., когда принимаются конкретные решения по поводу «невозвращенцев» (1929) и становится очевидна неудача СССР сделать КВЖД советской. Для него характерна концентрация на «белом Харбине» и харбинцах-белоэмигрантах; нивелировка этнических характеристик; на первый план вынесены политическая и социальная оппозиции «СССР/маньчжурский тупик», «советское/несоветское», «белые офицеры, обыватели / (советские и китайские) рабочие»; контаминация реалий благополучной харбинской жизни (социальных и бытовых) и их гротескная интерпретация, создание намеренно «перевернутого с ног на голову» образа мира и населяющих его людей (живых мертвцев).
 8. Литература дальневосточной эмиграции в единстве прозаического и лирического начал отражает становление образа самовосприятия, однако в лирике данный процесс в большей степени концептуализирован. В творчестве «старших» поэтов образ самовосприятия является общей темой с типологически близкими чертами: политический компонент в основном уступает место этническому и религиозному; общеземигрантские установки тесно сопрягаются с региональными мотивами; лирический субъект-эмигрант старшего поколения – человек, лишенный родного дома, крова, Родины; эмиграция в этом художественном целом обретает символические черты рубежа между жизнью/смертью; бытием/иностью; с годами образ самовосприятия эмигранта в лирике старшего поколения эволюционирует: от лирического «я» к соборному звучанию «мы».
 9. В творчестве молодого поколения дальневосточных лириков образ самовосприятия обретает новые коннотации. Для них статус эмигранта не только психологически привычен, но и понятен с точки зрения жизненной практики, их эмигрантская «русскость» определяется причастностью к наследию русской культуры и литературы. В лирике молодых харбинцев, в отличие от старшего поколения, нет прошлого и будущего – только настоящее. Часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в России и СССР, создает в своем художественном воображении мифологизированный образ Родины, который сопрягается с бипатриотическим восприятием

Китая.

10. Корреляция образов эмиграции и эмигрантов в литературе метрополии и дальневосточного зарубежья 1920–1940-х гг. осуществляется на тонкой оси базовых универсалий русского этнического сознания. Согласно этим универсалиям, образ «своего» напрямую соотнесен с представлениями о своем Отечестве, родине, родных местах и родной культуре; политический компонент тесно сопряжен с этническим (исторической памятью, религиозными и культурными традициями, укорененными в прошлом).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах: международном молодежном межкафедральном научно-практическом семинаре «Дальневосточный фронт: язык, религии, культура, литература» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018, 2020 гг.), международной научно-практической конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия двух культур» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018 г.), IV Конгрессе российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018 г.), международной научно-практической конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая», посвященная 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае» (г. Харбин, 2018 г.), XIII Международной научно-практической конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2020 г.), международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум. К 150-летию А.Я. Гурова» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2022 г.), международной научной конференции, посвященной юбилею академика А.П. Деревянко «Археология и этнография дальневосточного фронтира» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2023 г.), научной конференции «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера» (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2023 г.).

Соответствие диссертации паспорту специальности. Отраженные в диссертации положения соответствуют паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, в частности, следующим направлениям исследования: п. 1.1. – «Многообразие связей художественной литературы с сочинениями историков и философской мыслью», «История русской литературы XX века (1890–1920-е годы)», «Литература и социология. Институциональные аспекты литературного процесса»; п. 1.2. – «Литература и политика», «История русской литературной критики и публицистики»; п. 2.1–2.3. – «История русской советской литературы»; п. 3.1–3.2. – «История литературы русского зарубежья», «Литература и политика», «Литература и социология. Институциональные аспекты литературного процесса».

Структура и содержание диссертационного исследования определены его целью и задачами. Настоящее диссертационное исследование включает введение, три главы, заключение, библиографический список и 1 приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **Введении** приведены аргументы актуальности выбора темы, указывается степень изученности основных проблем, определены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задачи диссертации, научная новизна исследования, описана методологическая база диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, описаны апробация работы и ее структура.

В первой главе «*Исторический, этнокультурный, социокультурный, политический контекст формирования образов эмиграции и эмигрантов в русской литературе XVI – первой половины XX в.*», состоящей из 2 параграфов, рассматривается формирование понятия «эмиграция» и «эмигрант» в русской языковой и этнической картине мира в историко-политическом контексте, исследуется природа образов самовосприятия эмиграции и эмигрантов в художественных и публицистических текстах 1920–1940-х гг.

В параграфе 1.1. «*Представления об “эмиграции” и “эмигрантах” в русском языковом и культурном сознании с XVI по первые десятилетия XX в. (по материалам словарей и литературных текстов)*» проведена лексико-семантическая, историко-этимологическая реконструкция понятия «эмиграция» и «эмигрант». Делается вывод о том, что в понятиях эмиграция и эмигрант, в первую очередь, соединены пространственные, этнические, социальные, политические смыслы.

Проанализированы все существующие периодизации феномена российской эмиграции, эксплицированы значения понятия «эмиграция» и «эмигрант» из этимологических, толковых, geopolитических, исторических, синонимических словарей (Д.Н. Ушакова, Н.И. Епишкина, В.И. Даля, А.Н. Чудинова, Е.М. Жукова и др.). Фактически история эмиграции из России начинает свой отсчет от бегства князя Андрея Курбского в XVI в. Знаменитая переписка двух умнейших и образованнейших людей XVI в. стала не только настоящим памятником древнерусской литературы, «памятником живой политической пропаганды»¹, но и источником современной реконструкции этнопсихологических, этносоциальных и социально-политических оснований восприятия образа эмигранта русским этническим сознанием. В репликах Ивана Грозного боярин, предавший царя – враг *Русской земли, враг православия, предавший предков, враг всех русских подданных*. Таким образом, в русском языковом сознании в представлении об эмиграции *пространственная* концептуализация изначально была связана с онтологической; *политический* компонент был неотделим от *религиозного, этнического и этического*.

В основе этих сложновыстроенных и исторически меняющихся значений слова «эмигрант» лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины». Полярными значениями характеризовались эмиграция и эмигранты «в Россию» (из чужих отечеств) и «из России» (из своего Отечества). Понятие «эмигрант» (немецкого происхождения) – «человек, переселившийся в другую страну по причинам политического, экономического или другого характера»², приходит в русский язык в середине XVII в., усвоено в

¹ Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 2.

² Епишкин Н.И. Исторический словарь галицизмов русского языка // Academic.ru: офиц. сайт. 2010. URL: <https://gallicismes.academic.ru/43451> (дата обращения: 20.03.2024).

широком ключе на рубеже XVIII–XIX вв., после событий Французской революции 1789–1799 гг. Эти процессы отражаются в литературных текстах – целиком ассоциируясь с эмигрантами в Россию извне (из Франции, Германии, миграции евреев и т.д.): И.А. Крылов «Урок дочкам», 1807; А.И. Герцен «Письмо к Ш. Риберолю, издателю журнала «L'Homme», 1854; Н.А. Добролюбов «Первые годы царствования Петра Великого», 1858 и т.д.

Политическая коннотация понятия усиливается и выходит на первый план к концу XIX в. В словаре В.И. Даля (1882) «эмигрант – выходец на чужбину, бол. по политическим причинам»; «эмиграция – выселение, высел, переселение, выход на чужбину, в новое отчество»³. Подъем социал-демократического движения (1895 г.) в России приводит к эмиграции будущих революционеров – В.И. Ульянова-Ленина и его соратников, но они сохраняют свое российское гражданство. Рубежом, положившим начало формированию стойкого негативного отношения к эмиграции в постреволюционной России, становятся события Октябрьской революции 1917 г. и последующей Гражданской войны. Именно в этот период социально-политический смысл понятия «эмиграция» обретает негативную окраску: «белая эмиграция» – в восприятии сознания тех, кто остался на родине⁴. За 10-летие в лингвокультуре Советской России происходит стремительная негативизация образов эмигрантов и эмиграции: от «белюэмигрантов» и «белогвардейцев» к «невозвращенцам», «отщепенцам», «отступникам» – врагам советского народа и советского государства; в 1932 г. – не просто «изменникам», «предателям», но уже «зверям» и «поджигателям войны» (Е.А. Михайлов. «Белогвардейцы, поджигатели войны», 1932; М. Кольцов «В норе у зверя», 1932 и др.). Пространственное значение понятия «эмиграция» лишь усиливает негативный политический смысл, а значение политической идентичности актуализирует этнические / национальные и этические коннотации. Они обусловили художественную специфику рецепции этих понятий в русской литературе 1920–1940-х гг.

В параграфе 1.2. «*Образы самовосприятия в языковом и литературном сознании русской эмиграции 1920–40-х гг. (по материалам публицистических и художественных текстов)*» уточнена дефиниция понятия «образ самовосприятия», обоснована его проекция на художественные образы самопознания русской эмиграции первой волны. В лингвокультуре самой эмиграции, отражающей ее сознание, политический компонент обретает высокие этнические и религиозные смыслы. При этом пространственный компонент саморефлексии состояния эмиграции имел второстепенное значение – эмигранты с самого начала утверждали, что «внесли Россию на подошвах своих сапог» (Р. Гуль), создав свою «Россию за рубежом» (M. Raeff).

В хронологической последовательности проанализированы концептуально значимые высказывания В.В. Набокова («Мы и Они (История русской эмиграции)», 1920), И.А. Бунина («Миссия русской эмиграции», 1924), З.Н. Гипшиус («О непримиримости», 1929), А. Ачайра («По странам рассеяния», 1925), а также материалы эмигрантских изданий, обращенные к проблеме

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 4. – Санкт-Петербург, 1882. – С. 685.

⁴ Great Soviet Encyclopedia. A translation of the third edition. – New York, 1976. – Vol. 30. – P. 209.

самовосприятия и самосознания русской эмиграции. Автор отмечает, что важным критерием самоидентификации, отделяющим «своих» от «чужих», для многих изгнанников становится непримиримость к большевикам, обретающая статус религиозного служения идеалам Родины (З. Гиппус). Объединяющим всех русских эмигрантов становится принцип *этничности* как принадлежности к *русскости, родной земле* многих народов России, ее *исторической памяти, родине предков и духовному истоку, русскому языку*. Высокий смысл понятия *рассеяние* постепенно обогащает семантику понятия *эмиграция*. Эмиграция в понимании русских изгнанников начинает обозначать соборное понятие, вмещающее этнический, религиозный и только потом обобщенно-пространственный смыслы. Потребность осознать себя единой, сплоченной силой рождает прилагательное *общеэмигрантский* – особенно это характерно для тех представителей молодого поколения, которые активно готовились к возвращению на родину; определение *эмигрантский* выступает антонимом прилагательному *советский* (Возрождение, 1939)⁵.

Делается вывод о том, что в языковом и литературном образе самовосприятия западноевропейской и дальневосточной эмиграции к 1930-м гг. стойко укрепляются, в первую очередь, этнический, национальный (в значении верный идеалам русскости, российской государственности), и только затем политический и пространственный (изгнанничество (беженство) как бытийственный факт и страна изгнания) компоненты.

Во второй главе «*Образы западной эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–40-х гг.*» рассмотрены этапы формирования образа русской эмиграции и эмигрантов в советской литературе. Они отражают, с одной стороны, этапы формирования официальной идеологической установки по отношению к эмиграции, о чем шла речь выше, с другой же стороны – этапы складывания литературы «сюрреалистического канона» (Е. Добренко) в целом. В советской литературе художественная рецепция образов западной ветви эмиграции и эмигрантов находит воплощение в лире-эпических, эпических и драматических жанрах.

В параграфе 2.1. «*Междуд лирикой и метапоэтикой: “компромиссный” опыт художественной рефлексии эмиграции и эмигрантов: В.Б. Шкловский, 1922–23 гг.*» осуществлен тематико-образный, жанрово-стилистический анализ одного из первых произведений советских авторов, отражающих первый, «компромиссный», этап формирования образа эмиграции и эмигрантов – «*Zoo, или Третья Элоиза*». Объектом изображения в романе («*письма не о любви*»), помимо чувства, становится эмигрантское сообщество Берлина сквозь призму восприятия лирического субъекта – автобиографического персонажа, тоже эмигранта, писателя. Повествование представляет собой текст, организованный по принципу ритмизированной лирической прозы, это определено графикой текста и его сквозной метафоричностью, начиная с эпиграфа из «*Зверинца*» В. Хлебникова. Как выясняется по мере развития сюжета, не чувства героев становятся движущей силой, и не «зоология» эмигрантской жизни в Берлине начала 1920-х гг. Изначально читатель понимает, что основной герой повествования – русская литература в эмиграции и восприятие лирического субъекта себя как писателя-эмигранта. Его чувства к возлюбленной, ее характеристики, его отношение к собратьям по перу – все пропускается сквозь

⁵ Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). – Москва, 2015. – С. 369.

призму *чужое/свое*: Берлин (как собирательный образ Европы) / Россия.

Писатель, по В. Шкловскому, – всегда «эмигрант», «кочевник», «кошка, гуляющая сама по себе». Но при этом его лирический субъект не хочет быть эмигрантом. В. Шкловский, формируя образ эмиграции и эмигрантов и одновременно самовосприятия себя как эмигранта, не отделяет своего лирического субъекта от них. Сквозь призму образов своих невольных собратьев (А. Ремизов, М. Шагал, Иван Пуни, А. Белый, И. Эренбург и др.) писатель обнажает проблемы этничности (каково это – быть «русским» в европейской, как оказывается, чуждой среде), утраты Родины (без России им не пишется, не творится), обретения новых тем и мотивов для творчества. Берлинский этап эмиграции, зафиксированный В. Шкловским в параллелизме с берлинским Zoo, – не карикатура на эмиграцию и эмигрантов, а грустная картина жизни этих «иностраниц», «диковинных зверей» в сознании немцев.

Тематико-образному, жанрово-стилистическому исследованию образов эмиграции и эмигрантов у А.Н. Толстого посвящен параграф 2.2. «*От элегического до сатирического: эволюция образов эмиграции и эмигрантов в «эмигрантском цикле» А.Н. Толстого, 1921–32 гг.*» А.Н. Толстой, как и В.Б. Шкловский, сам побывал в эмиграции (апрель 1919 г. – июль 1923 г.), вначале в Париже, затем в Берлине. В «эмигрантский цикл» вошли 5 произведений, написанных в эмиграции: рассказы «В Париже» (Париж, 1921), «Четыре картины волшебного фонаря» (Рига, 1921), «На острове Халки» (Берлин, 1922), «Рукопись, найденная под кроватью» (Москва, 1923), «Черная пятница» (1923); повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1923), опубликованная уже в Советской России (1925), и повесть «Черное золото» (1931), в 1940 г. получившая название «Эмигранты».

Развитие образов эмиграции и эмигрантов протекает параллельно само-рефлексии писателем себя и близкого ему круга в качестве эмигрантов: поначалу это мятущиеся, несчастные люди чеховского склада, оставившие в России родные могилы и близких людей, ищащие опоры в личных отношениях («В Париже»; «Четыре картины волшебного фонаря», 1921), затем – теряющие человеческие чувства ради мести отступникам от белой идеи бывшие офицеры («На острове Халки», 1922), в чьих портретах и характерах можно проследить перекличку с «офицерскими» произведениями А.И. Куприна. Однако несмотря на то, что Изюмов и Москальков, не раздумывая, убивают Санди – не нуждаясь в доказательствах его вины, они все же вызывают уважение своей цельностью и преданностью белым идеалам.

Переезд в Берлин (1923) знаменует все усиливающуюся дистанцированность А.Н. Толстого от эмигрантского сообщества. Теперь выстраиваемая им эмигрантская психология опирается на мрачное двойничество в духе Ф.М. Достоевского («Рукопись, найденная под кроватью», «Похождения Невзорова, или Ибикус», 1923). Герой «Рукописи...» Епанчин – в своем отказе от Родины напоминает Смердякова, он до мозга костей обыватель и потребитель. Гибель в finale его и двойника – логически закономерна.

Центральное в «эмигрантском цикле» произведение «Похождения Невзорова, или Ибикус» публикуется в берлинских «Сполохах». В этом «первом советском плутовском романе» (В.Д. Миленко) Толстой выбирает новый, до сего времени не апробированный им ракурс изображения героя – гоголевский. «Приключения Невзорова» – история складывания «типичного» русского эмигранта, каким хочет нам его показать А.Н. Толстой, к 1923 г. Определяющие

характеристики этого типа – отсутствие человеческих привязанностей и благородных помыслов, нутряное потребительство и меркантилизм, возведенное в абсолют поклонение «золотому тельцу» – Ибикусу, пренебрежение своей рускостью и своей Родиной.

Начало 1930-х гг. в советской литературе характеризуется резким усилившимся идеологической линии – в проекции «внешнеполитическое/внутриполитическое» (дело о «Промпартии», конфликт на КВЖД, убийство советского посла в Лондоне и разрыв дипотношений с Великобританией и т.д.). Именно в такой атмосфере вернувшийся в Советскую Россию А.Н. Толстой создает свое финальное в «эмигрантском цикле» произведение «Черное золото» (1931) («Эмигранты», 1940). Произведение развивается в духе политического детектива, переходящего в памфлет. Конкретную основу произведения составляют политические преступления организации под руководством авантюриста и циника Хаджет Лаше – реальной исторической фигуры. Главными героями романа выступают Налымов – бывший семеновский офицер, который спивается и теряет человеческий облик, и Вера Чувашева, бывшая княгиня, а ныне циничная проститутка. Вера вместе со своими подругами по несчастью работает на полковника Магомет Бека Хаджета Лаше, руководителя «Организации возрождения империи».

Создавая образ эмиграции и эмигрантов, рассчитанный на советского читателя, Толстой обращается к полному арсеналу средств, наработанных дореволюционной «знаньевской» литературой: псевдо-индивидуализированные портретные характеристики, в которых не остается места для «диалектики души» (Налымов), иронический модус художественности – речевой портрет (В.Д. Набоков), переходящий в сатирический (купчихи Морозовы). Собственно-толстовские приемы: смена перспективы в описании барышень-проституток, «мнимый диалог» Налымова и Веры, подчеркивающий духовную опустошенность героев и отсутствие коммуникации; характеристики персонажами друг друга в ответ на их квази-косвенную речь (Вера и Лили); самохарактеристики (Налымов). Вся белая идея, по мысли автора состоит в том, что мнимые «“рыцари духа”» подставляли «грудь под большевистские пули *во имя восстановления красивой жизни*»⁶. Эмигранты Толстого – все потребители до мозга костей, их неприятие революции – суть лишь потерянное благополучие. Таким образом, в своей заключительной повести об эмиграции «Черное золото» («Эмигранты») Толстой нарисовал обобщенный образ всей европейской, и шире – русской эмиграции, для этого собрав все негативные факты и характеристики, представив это как проявление типических, родовых качеств русской эмиграции.

В эволюции образов эмиграции и эмигрантов А.Н. Толстого выразилось поступательное утверждение негативной оценки эмиграции и эмигрантов в общественном и культурном сознании советских людей, а средства выражения этого прошли испытание разными жанрами – рассказом с элегической тональностью («В Париже»), политической новеллой («На острове Халки»), фантастикой («Похождения Невзорова, или Ибикус»), закрепившись в политическом детективе с памфлетным уклоном («Эмигранты»).

Образы эмиграции и эмигрантов в пьесе М.А. Булгакова «Бег» исследуются в параграфе 2.3. *«Междуду трагедией и буффонадой: осмысление обра-*

⁶ Толстой А.Н. Эмигранты. Повести и рассказы. – Москва, 1982. – С. 56.

зев эмиграции и эмигрантов в творчестве М.А. Булгакова, 1926–1928 гг.». Замысел пьесы возник после общения М.В. Булгакова с бывшими эмигрантами; он постоянно менялся.

Образ эмиграции и эмигрантов воплощается на разных уровнях текста. На уровне рамочных компонентов – в названии, окказиональном жанровом определении («Восемь снов. Пьеса в пяти действиях»), эпиграфах к пьесе и действиям, сценических комментариях (список действующих лиц, ремарки и т.д.). Ремарки в начале пьесы по поводу «снов» содержат в себе логическую несуразицу. Сны не «протекают», не «сняться», как им положено, а «происходят» в конкретные месяцы и конкретных местах действия. Сон – это то состояние страшной реальности, в которой оказались герои пьесы. Пьеса, таким образом, уже заявленной жанровой формой предполагала синтез сценичности и глубокого прочтения, фактографичности и условности.

На уровне системы персонажей у Булгакова представлен срез всех социально-политических и социокультурных типов эмиграции: Серафима – богатая женщина, «петербургская дама», которая просто бежала от послереволюционного хаоса; Голубков – представитель интеллектуальной элиты, наследник «идеалистических идей» своего отца, приват-доцент, ранее преподававший в Петербургском университете; Хлудов – боевой офицер, истово исповедующий «белую идею», чьи руки по локоть в крови; генерал Чарнота – храбрый вояка, потерявший веру в свои идеалы и в эмиграции продающий игрушки с лотка, живущий за счет своей жены; Корзухин – «очень европейский» чиновник, нуворищ, наживающийся на революции, способный продать за доллар и жену, и Отечество; Люсенька – женщина низкого сословия, походная жена Чарноты, бежавшая впоследствии своему искреннему чувству и в эмиграции выживавшая за счет проституции.

Наиболее живыми, вызывающими симпатию, «самыми русскими» у Булгакова выступают неоднозначные персонажи: полковник Хлудов и генерал Чарнота. Несмотря на все свои военные преступления, Хлудов – страдающий герой, в его образе скрестились судьбы многих русских людей той эпохи. Это – трагический и типический образ русского эмигранта-офицера, волею судьбы оказавшегося в мясорубке братоубийственной войны. Генерал Чарнота (в ремарках: «*по происхождению запорожец*») – образ амбивалентный, вмещающий в себя travestийное и трагическое начала. Он – страстный игрок, ради денег готовый отправить на панель близкую ему женщину; однако он же глубинно честен и готов защищать слабых, потому самоотверженно спасает Серафиму из лап контразведки, тем самым подписывая себе приговор как офицеру – за это лишен содержания в Константинополе. Несмотря на всю эксцентричность и эгоцентризм, Чарноте как никому из эмигрантов в пьесе, присущ здравый смысл. Образ Хлудова придает сюжету психологический рефлексивный импульс, образ Чарноты – движет действие, провоцируя перипетии, усиливает драматизм. Две эти противоположно направленные линии воплощают двуединую природу жанрового своеобразия пьесы.

Название пьесы «Бег» также имеет многообразное смысловое наполнение (алллюзии с Жуковским «Певец во стане русских воинов», бегство Серафимы и Голубкова от революции и Гражданской войны; библейские в сочетании с полуфантастическими-полу-гротескными реплики Хлудова и Африканы; сниженный, travestийный и одновременно реальный образ «тараканых бегов» в Стамбуле как реализованная метафора эмиграции и ее тщетных попыток убежать от реальности).

Жанровое определение пьесы поступательно реализовано на архитектоническом уровне. 8 снов как структурное целое пьесы в данном ключе – это то пространство между сном и явью, в котором осуществилось бегство из страны и которое сопровождает героев в эмиграции. Отличительной жанровой характеристикой пьесы становится соединение буффонной эксцентрики и трагического начала. В выстраивании образа эмиграции и эмигрантов М.А. Булгаковым побеждает трагизм. Финал варианта пьесы 1928 г. также многозначно трактует и судьбу Хлудова с Чарнотой: пропадающий в окне Чарнота, скорее всего, заканчивает жизнь самоубийством. Судьба же Хлудова абсолютно прозрачна – о чем ему и говорит в finale Чарнота.

М.А. Булгаков избирает для воплощения образов типичных эмигрантов иной модус художественности, нежели А.Н. Толстой – сочетание трагического и комического. Развитие сюжета пьесы на грани буффонады и трагедии позволяет прочувствовать человеческий и исторический драматизм русской эмиграции.

Третья глава «**Формирование образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в русской литературе 1920–40-х гг.**» представляет результаты исследования образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов, отраженных в советской литературе и публицистике, с одной стороны, и образов самовосприятия в эмигрантской лирике «восточной ветви» – с другой.

В параграфе 3.1. «*Образы восприятия дальневосточной эмиграции и эмигрантов в советской литературе и публицистике конца 1920-х гг. (Я.М. Окунев, Е. Полевый)*» сквозь призму социально-политического и социокультурного контекстов формирования института дальневосточного зарубежья, выстраивания его контактов с метрополией и Китаем детально исследуется образно-тематический и жанрово-стилистический уровень текстов, обращенных в русском Харбину (именно его и харбинцев выбирают советские авторы как типичных «белоэмигрантов»).

Яков Маркович Окунев (1882–1932) в художественно-этнографическом и одновременно художественно-политическом сборнике очерков «По Китайско-восточной дороге» (1929) уделяет дальневосточным эмигрантам всего несколько страниц. Это своеобразная фигура умолчания: в «его» Харбине, кроме «белогвардейского сброда», никто не живет. Для создания однозначно негативного образа белогвардейского Харбина Я. Окунев использует также «рассказы очевидцев», прием речевого диалогизма (закавыченным самохарактеристикам противостоят уничижительные эпитеты, обнажающие «истинную суть» харбинской эмиграции).

В 1930 г. публикуется брошюра Е. Полевого «По ту сторону китайской границы. Белый Харбин». Скорее всего, автор жил в этих местах до конфликта на КВЖД: он глубоко постиг ситуацию изнутри и точно подметил сущностные черты жизни русского Харбина: его дореволюционное устройство, русский быт, общение на русском языке, русско-китайскую культурную среду с явным налетом американства. Несмотря то очень меткую типологизацию харбинских эмигрантов, писатель однозначно настроен разоблачить дальневосточное пристанище русской эмиграции, из «белогвардейских элементов» переросшей в «белогвардейские банды» – теперь уже у советской власти не осталось на этот счет ни единого сомнения. Для убедительной демонстрации полной деградации эмигрантского сознания автор использует такие уже привычные клише советской прессы в адрес своих идеальных врагов, как «тяжелый и душный "белый бред"», «политические проходимцы и шарлатаны», «брехня», «мелкая шпана

эмигрантских кадров. Уничтожительные характеристики харбинской эмигрантской общины подкрепляются точкой зрения «стороннего» наблюдателя в лице китайской администрации. Харбин – это средоточие «обывательщины», город потребителей, изображенный Полевым в карикатурно-памфлетной манере.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в образах дальневосточной эмиграции и эмигрантов, для советских писателей сконцентрированных на Харбине и харбинцах, абсолютно нивелированы этнические характеристики, на периферии пространственные смыслы, на первый план вынесены политическая и социальная оппозиции «СССР/маньчжурский тупик», «советское/несоветское», «белые офицеры, обыватели / (советские и китайские) рабочие».

Образ самовосприятия в литературе дальневосточной эмиграции исследован в параграфе 3.2. *«Художественные образы самовосприятия эмиграции и эмигрантов в литературе дальневосточного зарубежья 1920–40-х гг.*

Несмотря на то, что проза дальневосточного зарубежья в совокупности своего рода-жанрового многообразия (рассказов, повестей, фельетонов) представляет богатый материал для исследования проблемы образного воплощения самовосприятия эмигрантов, материал исследования ограничен лирикой «восточной ветви». Во-первых, исходя из того, что именно лирика определяет развитие литературного процесса в дальневосточном зарубежье (В. Крейд, А.А. Забияко). Во-вторых, краткая форма стихотворения как «сложно построенный смысл» (Ю.М. Лотман) в сгущенной и зачастую афористической форме позволяет максимально емко выразить концептуальные установки его автора. Лирический образ обладает большой степенью концептуализации и выразительности. В диссертации проанализирована самая на сегодняшний репрезентативная подборка лирических текстов, составляющих антологию «Русская поэзия Китая», куда вошло более 500 стихотворений 52 авторов. 16 из них – поэты старшего поколения, 36 – молодежь. Из собранных в антологии текстов воплощению образа самовосприятия посвящены 81 текст 25 поэтов. Контент-анализ в данном случае дает ценное наблюдение: более половины поэтов-изгнанников практически не обращались к рефлексии своей эмигрантской участи. Из поэтов старшего поколения на данную тему писали всего 8, соответственно – 17 авторов принадлежит к младшей генерации. При этом поэтами старшего поколения написано 44 текста, 37 – молодыми поэтами.

В лирике старшего поколения дальневосточной эмиграции (Н. Алл, А. Несмелов, Т. Баженова, А. Ачаир, Л. Ещин, М. Колосова и др.) образная парадигма стихотворений, обращенных к самовосприятию, восходит к семантическому ядру «лишившийся родного дома / изгнанный из родного дома / лишенный Родины»: беженец, бездомный, бродяга, странник, скиталец, изгнаник / изгнанница, путник, калика перекожий и др.

В наследии «старших» харбинских лириков наиболее частым обращением к рефлексии себя как эмигранта отличается лирика Л. Ещина, А. Ачаира, М. Колосовой, А. Несмелова. Каждый из этих поэтов избрал для своего лирического героя-эмигранта определенную роль, соответствующую типу психики, религиозной установке, жизненным принципам автобиографического автора.

В саморефлексии своего положения и ощущения как молодого поколения эмиграции тон задавала плеяда «молодых» поэтов: М. Спургот, Н. Щеголев, С. Сергин, Л. Хайндрова, Е. Недельская, В. Перелешин и др. Активно рефлектирующими свой эмигрантский удел были Николай Светлов, Николай Щеголев, Лидия Хайндрова и Валерий Перелешин. «Молодые» поэты наследуют

у старших лириков образы самовосприятия и их коннотации, определяющие их статус и состояние: *изгнанница* (Е. Даль «Второй Родине»), *беженец* (Л. Хайндрова «Беженцы»), *бродяга, странник* (Г.Г. Сатовский-мл. «Аньда»), *странничек убогий* (С. Сергин «Странник»), *катика переходящий* (Н. Щеголев «В раздумьях»), *землепроходцы* (М. Шмейсер «Землепроходцы»).

Постепенно часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в СССР, но наблюдающих усиление диктата со стороны японских властей, все чаще обращала взоры на родину своих предков, создавая в своем художественном воображении ее мифологизированный образ. В лирике отдельных представителей молодого поколения в середине 1940-х гг. появляется бипатриотические интонации (Ю. Круzenштерн-Петрец, Н. Петрец, Н. Щеголев и др.).

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, обозначаются дальнейшие перспективы в данном направлении.

Изучив историю возникновения в русском языковом, этническом и литературном сознании понятий «эмиграция» и «эмигрант», художественную специфику образов эмиграции и эмигрантов в сознании советских авторов и художественных образов самовосприятия эмиграции и эмигрантов 1920–1940-х гг., можно сделать следующие выводы:

Понятия «эмигрант» и «эмиграция» в русском языковом сознании возникают намного позднее, чем само явление эмиграции и его рефлексия в этническом сознании. В основе сложновыстроенных и исторически меняющихся значений слова «эмигрант» лежали представления о «своем/чужом», сфокусированные на образе «отчизны/чужбины». Полярными значениями характеризовались эмиграция и эмигранты «в Россию» (из чужих отечеств) и «из России» (из своего Отечества). Данный фрейм в толковании понятий «эмиграция» и «эмигрант», где политический смысл неотделим от этнического, ведет свое начало с эпохи Ивана Грозного и находит отражение в «Переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным» (XVI в.), а затем в литературных и публицистических текстах XVIII–XIX вв.

С начала 1920-х гг. в советской лингвокультуре и литературе пространственное значение понятия «эмиграция» лишь усиливает негативный политический смысл, а значение политической идентичности актуализирует этнические / национальные и этические коннотации. Эмиграция – это «духовное омертвение», эмигранты официально признаны «бывшими людьми», реалией прошлого.

Становление образа самовосприятия в художественном сознании русской эмиграции «первой волны» берет начало в 1920 г. и заканчивается к 1932–1933 гг. В указанный период в концептуальной основе образа самовосприятия формируется парадигма семантических интеграторов, присущих эмигрантскому самовосприятию во всех центрах рассеяния: национальный (этнический) (российский/русский), политический (антибольшевистский/белый), религиозный (православный) компоненты. И только затем в действие вступает пространственный компонент, обозначающий изгнанничество (беженство) как бытийственный факт, а затем уже страну изгнания.

В советской литературе 1920–1940-х гг. тема эмиграции и эмигрантов изначально становится маргинальной. Лишь немногие авторы обращаются к образам эмиграции и эмигрантов в эпическом и драматическом роде литературы, и эти образы переживают своеобразную эволюцию по нисходящей (от лиризованных и одновременно метапоэтических экспериментов В.Б. Шклов-

ского – к политическому детективу-памфлету А.Н. Толстого). Попытка драматизировать образ эмиграции и выразить его через синтез комического и трагического модусов художественности в творчестве М.А. Булгакова приводит к тому, что пьеса «Бег» попадает под запрет.

Образ дальневосточной эмиграции и эмигрантов возникает в советской литературе весьма поздно – к концу 1920-х гг., когда принимаются конкретные решения по поводу «невозвращенцев» и становится очевидна неудача СССР сделать КВЖД советской. Под первом советских писателей и журналистов (Я. Окунева, Е. Полевого) этот образ сконцентрировался целиком на «белом Харбине» и харбинцах-белоэмигрантах. Жанрово-стилевой формой советские авторы выбирают художественно-публицистический памфлет. Основными приемами в такой перспективе становятся характеристики по типу нисходящей градации, использование мотива омертвения, погружения в болото, иного бытия.

В творчестве тех немногих дальневосточных авторов, для которых эмиграция является общей темой, ее реализация характеризуется типологически близкими чертами: политический компонент уступает место пространственному, этническому и религиозному (за исключением творчества М. Колосовой); общеземлянские установки тесно сопрягаются с региональными мотивами. Лирический субъект старшего поколения – беженец, изгнаник, бродяга – то есть человек, лишенный родного дома, любви, Родины (Л. Ещин, М. Колосова, А. Ачайр, А. Несмелов).

Политический и религиозный компоненты в восприятии эмиграции и себя эмигрантами не актуальны для «детей эмиграции», их *русскость* определяется причастностью к русской культуре и литературе. Образ самовосприятия в лирике «молодых» поэтов обретает новые, «маргинальные» коннотации: появляются образы «иноземца» «русского художника, не лишенного иностранных черт», «жениха, обрученного Китаю», «чудака захудалого и странного», мотивный уровень, связанный с сиротством, прозябанием и стремлением победить эти состояния движением за пределы, в которых они оказались. Образ России в самовосприятии молодых эмигрантов сопряжен с образом Китая, «милых сердцу мест», второй Родины.

Постепенно часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в СССР, но наблюдающих усиление диктата со стороны японских властей, все чаще обращала взоры на родину своих предков, создавая в своем художественном воображении ее мифологизированный образ. В лирике отдельных представителей молодого поколения – И. Круzenштерн-Петерец, Н. Петереца, Н. Щеголева, В. Перелешина и др. – в середине 1940-х гг. появляются бипатриотические интонации.

Несмотря на политические и идеологические антагонии, корреляция образов эмиграции и эмигрантов в советской литературе и дальневосточного зарубежья 1920–1940-х гг. осуществляется на тонкой оси базовых универсалий русского этнического сознания. Согласно этим универсалиям, образ «своего» напрямую соотнесен с представлениями о своем Отечестве, родине, родных местах и родной культуре; политический компонент тесно сопряжен с этническим (исторической памятью, религиозными и культурными традициями, укорененными в прошлом).

Проведенное исследование наметило основные тенденции своего развития. Представляется весьма перспективным исследовать в сравнительном аспекте концептуальные основы художественных образов самовосприятия эмиграции и эмигрантов в творчестве писателей и поэтов западной и восточной

ветви; обратиться к выявлению родо-жанровой и стилистической специфики художественной рецепции эмиграции и эмигрантского существования в прозе дальневосточной эмиграции.

В интертекстуальном ключе большим потенциалом литературоведческой аналитики обладает сравнительный анализ образов русской эмиграции и эмигрантов в китайской прозе 1920–1940-х гг. и образов самовосприятия в прозе дальневосточного зарубежья.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 13 публикациях (общий объем 13,04 п.л., из них авторских – 7,46 п.л.).

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Лю, Ши. Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25. – № 4. – С. 671–681. – DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681 (1,27 п.л.).
2. Лю, Ши. Лирические образы самовосприятия русской эмиграции в Китае 20–40-х гг. XX в. / Лю Ши, А.А. Забияко. – Текст : непосредственный // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 1 (19). – С. 71–86. – DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-71 (1 п.л./0,5 п.л.).
3. Лю Ши. Образы западноевропейской эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–1940-х гг.: этапы формирования, жанрово-стилевые способы воплощения / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 1542–1550. – DOI: 10.30853/phi120250219 (1,47 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования:

4. Лю, Ши. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) / Лю Ши, А.А. Забияко, Чжоу Синьйоу [и др.]. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2022. – № 3. – С. 64–76. – DOI: 10.22250/20728662_2022_3_64 (1,5 п.л. / 0,5 п.л.) (Scopus).
5. Лю, Ши. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города в китайской литературе первой половины XX в. («Сказание о реке Хулань» Сяо Хун) / Лю Ши, А.А. Забияко, Фэн Ишань [и др.]. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2023. – № 1. – С. 165–178. – DOI: 10.22250/20728662_2023_1_165 (1,5 п.л. / 0,3 п.л.) (Scopus).
6. Лю, Ши. Образы самовосприятия дальневосточной эмиграции (по страницам харбинского журнала «Рубеж», 1926–1945) / Лю Ши, А.А. Забияко. – Текст : непосредственный // Евразийский ежегодник. – 2024. – Т 2. – С. 449–464. – DOI: 10.22455/2949-5865-2024-2-449-462 (2,45 п.л. / 1 п.л.) (RSCI – WoS).
7. Лю, Ши. Образы восприятия дальневосточной эмиграции в советской публицистике конца 20-х гг. XX в. / Лю Ши, А.А. Забияко. – Текст : непосредственный // Исторические записки. – 2024. – № 23 (141). – С. 174–192 (1 п.л. / 0,5 п.л.) (RSCI – WoS).

Публикации в других типах научных изданий

8. Liu, Shi. Correlation of Images of Motherland: Emigration in Works of Younger Harbin Poets / Liu Shi, O.E. Tsmykal, Feng Yishan. – Текст : непосредственный

- // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1628–1635. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.215 (0,5 п.л. / 0,3 п.л.).
9. Liu, Shi. Frontier as an artistic concept / Liu Shi, A.A. Zabiyako, Ya.V. Zinenko et al. – Текст : непосредственный // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 102. – P. 1172–1179. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.146 (0,5 п.л. / 0,2 п.л.).
10. Лю, Ши. Образ русского эмигранта в китайской литературе 20–40-х гг. XX в. / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XX региональной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 23 мая 2019 г.): в 3 т. Т. 1. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2019. – С. 171–172 (0,23 п.л.).
11. Лю, Ши. Культура и литература русской эмиграции в оценке китайских ученых / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.). – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 214–219 (0,69 п.л.).
12. Лю, Ши. Понятие «эмигрант» в китайском этническом сознании: этимология, история, политика / Лю Ши. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – С. 230–236 (0,35 п.л.).
13. Лю, Ши. Движение «Переход в Гуаньдун» в русской и китайской литературо-труovedческой парадигме XX–XXI в. / Лю Ши, А.А. Забияко, Чжоу Синьйи [и др.]. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14: сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум» (г. Благовещенск, АмГУ, 21–25 сентября 2022 г.) / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 288–297. – DOI: 10.22250/9785934933990_288 (0,58 п.л. / 0,15 п.л.).